

ЛИНГВИСТИКА

УДК 811.133.1'272

О МЕЖДУНАРОДНОЙ ВОСТРЕБОВАННОСТИ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

В. Т. Клоков

Саратовский государственный университет
E-mail: kvassili@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы становления, развития и современного состояния французского языка как средства международного общения. Внимание к судьбе французского языка на мировой арене обращается с двух позиций: с позиции мультикультурализма и с позиции межъязыковой конкуренции.

Ключевые слова: франкофония, языковая экспансия, международная функция языка, иерархическая система востребованности языков.

On the International Demand for the French Language

V. T. Klokov

The paper focuses on the formation, development and current state of the French language as a means of international communication. Special attention is paid to the destiny of the French language in the world from two perspectives: from the perspective of multiculturalism and the perspective of cross-language competition.

Key words: francophonie, language expansion, international function of language, a hierarchical system of demand for languages.

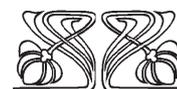
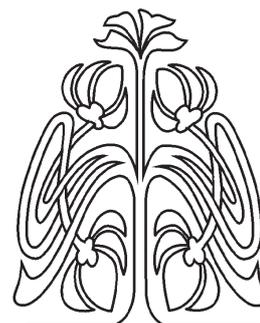
DOI: 10.18500/1817-7115-2015-15-4-5-10

Важными периодами существования и использования французского языка обычно признаются следующие:

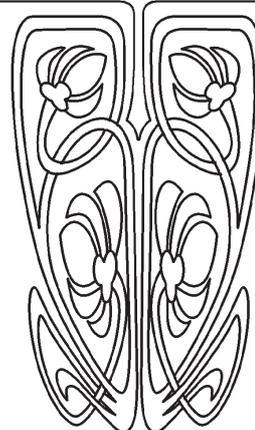
- 1) IX–XV вв. – формирование французского языка на основе средневековых диалектов романской речи;
- 2) XVI–XVII вв. – нормирование и приобретение французским языком официального статуса;
- 3) XVIII–XIX вв. – приобретение французским языком международного статуса;
- 4) с конца XIX в. по настоящее время – утеря французским языком ведущего положения в мире.

Подобную изменчивость судьбы в античные времена переживали вначале греческий, а затем латинский язык. Что касается языка древних эллинов, то с момента расцвета Эллады его существование не ограничивалось территорией Греции и отмечалось далеко за ее пределами. Особой широтой распространения в античные времена отличался также латинский язык в Европе, Азии и Африке. При этом латынь использовалась в двух своих основных ипостасях: наряду с литературно-письменной формой – в народно-разговорном варианте, свойственном всем слоям римского общества на всех территориях его существования и во все периоды истории Древнего Рима.

Вариативность латинского языка в римских провинциях стала основой формирования группы романских языков. Комментируя особенности развития латинского языка в Галлии, современные авторы отмечают следующую его особенность: «Безусловно, разговорная латынь постепенно перестала иметь – если только, конечно, когда-то имела – единую форму, которая позволяла людям на обширных территориях понимать друг друга. Само собой разумеется, на основе свободного

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

творчества здесь появилась целая мозаика разных вариантов латинской речи, смешанной с кельтской или с германской формами речи (в зависимости от региона)¹. Об этих языковых преобразованиях на территории Галлии историк французского языка А. Доза писал: «За исключением юго-запада, где решающую роль играли иберы, латынь Галлии была довольно однородной вследствие единства предшествующего ей субстрата. Некоторые расхождения появились в ней лишь после распада Римской империи, главным образом, под влиянием основных причин:

1) отсутствия единообразия этнического элемента в областях, где в разных пропорциях смешивались римляне, галлы, германцы;

2) политической и социальной раздробленности Галлии, составные части которой продолжали делиться на изолированные земли до самого установления феодального строя»².

В 843 г. было образовано Западно-Франкское государство (будущая Франция). По поводу его этноязыковых границ В. Г. Гак уточнял: «С самого начала территориальные границы Франции не совпадали с языковыми и этническими. <...> Границы Франции охватывали формально земли и с нефранкоязычным населением: Фландрию, Бретань, Южную Францию, населенную провансальцами, но зато значительная часть франкоязычного населения к востоку от Мааса, Роны, Сонны официально находилась вне пределов Франции. В последующие века правителям французского государства пришлось решать двоякую задачу: сплотить французскую территорию вокруг королевского домена (что было осуществлено в XV в.) и включить в состав страны восточные франкоязычные (и окситаноязычные) области, оставшиеся за ее пределами»³.

Другая отличительная черта касалась народного характера французского языка: его первоначальное использование осуществлялось на основе всеобщей свободной инициативы, не подчиненной специальному регулированию, тем более со стороны государства. На этом фоне, в отличие от официальной латыни, французский язык был далеко не престижной формой общения в средневековой Франции.

Тем не менее, за пределами Французского королевства французский язык пользовался привлекательностью, в частности – у норманнов. Поселившиеся в 911 г. на севере Франции норманны признали над собой власть французских королей, приняли христианство и образовали Нормандское герцогство. При этом довольно быстро они утратили свой родной язык и стали пользоваться исключительно романской речью. В XI в. нормандский герцог Вильгельм сумел собрать армию обездоленных рыцарей, организовал военный поход в Англию и захватил ее. На оккупированной территории он ввел в обращение тот язык, который он сам и его соплеменники освоили до этого во Франции. Элита английского

общества согласилась на освоение французского языка и пользовалась им на протяжении более ста лет. В XII в. французский язык был завезен также в Бельгию и в Швейцарию, где он получил статус официального языка.

Что же касается самой Франции, то в официальной сфере на ее территории еще долгое время использовался лишь латинский язык. На этом фоне французское дворянство начиная с XIII в. стало отказываться от использования региональных вариантов романской речи и постепенно переходить на тот язык, который формировался в провинции Иль-де-Франс со столицей в Париже.

Из-за феодальной дробности и отсутствия нормализующих установок зарождавшийся таким образом французский язык отличался диалектной дробностью и низким уровнем структурированности. Лишь в эпоху Возрождения (т. е. во времена активного обращения европейской культуры к греко-римской античности) диалекты Франции стали во множестве заимствовать латинскую и греческую лексику. Более того, в 1561 г. на французский язык была переведена Библия, а уже в 1563 г. французский язык был объявлен официальным языком Французского королевства. Латынь же в то время окончательно перешла в категорию мертвых языков. Тем не менее, даже в XXI в. она продолжает служить источником лексического обогащения для многих языков в мире.

XVII–XVIII вв. были решающими для французского языка. Его форма и особенности использования стали по-настоящему современными, и можно с уверенностью сказать, что во Франции в значительной степени был повторен опыт по нормализации древнегреческого и латинского языков и созданию их классических форм.

Попытки нормализовать французский язык предпринимались и раньше, но применение их не было успешным. Так, главная причина реформаторских неудач в XVI в. состояла в том, что каждый раз авторы предлагали модернизировать лишь отдельные языковые стороны: отдельно поправить орфографию, заменить некоторые слова, уточнить часть грамматических правил, причем лишь в отдельных территориальных вариантах языка. Как считает Р. Лафон, нормализационные процессы должны были бы осуществляться иначе, а именно на общеязыковом уровне и на основе не реконструкции отдельных элементов сложной системы географических и социальных диалектов, а на выборе единого узуса и единого стандарта для всеобщего употребления⁴. На практике подобная нормализация была осуществлена только в XVII–XVIII вв., когда на основе, главным образом, литературно-письменного варианта франсийского диалекта (т. е. диалекта провинции Иль-де-Франс) была выработана единая норма французского языка.

Всеобщая норма французского языка была окончательно сформирована и введена в практику в XVIII в. В тот период во всех европейских стра-

нах французский язык стал языком дипломатии и получил фактически статус всемирного языка. Наличие у французского языка фиксированной нормы было публично анонсировано в 1782 г. в ходе организованного Берлинской академией конкурса сочинений на тему *Рассуждения об универсальности французского языка*. Конкурс был призван выяснить реальное отношение европейцев к французскому языку как к языку всеобщей культуры.

Тем не менее, некоторые участники конкурса поставили под сомнение универсальный характер французского языка и в своих сочинениях писали, что этот язык распространен не во всех странах Европы и что не все социальные группы были знакомы с ним. Тот, кто об универсальности французского языка отзывался положительно, в качестве причин его широкого распространения указывал на ведущую роль в Европе французской культуры и особенно французской литературы. Наконец, многие конкурсанты обращали внимание на высокие коммуникативные возможности французского языка. Они признавали особую легкость его освоения, красоту произношения и строгость синтаксиса, а также характеризовали его как язык элегантный, упорядоченный, ясный (это качество выделялось особо). Крылатой стала фраза из сочинения Антуана Ривароля – одного из участников конкурса: *Ce qui n'est pas clair n'est pas français* (букв.: Все что не ясно – это не по-французски). Свою мысль автор объяснял следующим образом: только французский язык сохраняет прямой порядок слов; французский синтаксис безупречен; именно от этого зависит ясность – основа французского языка. Впрочем, логичность, рациональность и ясность французской речи отмечались наблюдателями и раньше, в частности авторами грамматики Пор-Рояля⁵.

Что касается универсальности французского языка, то о ней также неоднократно упоминали и другие известные французы. Так, Монтескье, путешествуя по Европе, в 1728 г. писал, что в Вене французский язык в то время стал всеобщим. В 1751 г. французский математик Мопертюис утверждал, что его родной язык является обще-европейским. В Словаре Французской Академии от 1762 г. говорилось, что французский язык стал необходим иностранцам в той же мере, что и их родные языки. В знаменитой «Энциклопедии», вышедшей во Франции с 1751 по 1772 гг., было записано, что во всех королевских дворах Европы французский язык используется почти так же, как в Версальском дворце. Впрочем, авторы «Энциклопедии» отмечали, что в самой Франции французский язык в то время все еще не был языком большинства и его универсальность носила элитарный характер: как во Франции, так и в Европе его знали только аристократы.

В современной науке о языке процессы распространения того или иного языка в мире принято обозначать термином «языковая экс-

пансия». Ж.-М. Клиненберг приводит следующее определение этому явлению: «Языковая экспансия представляет собой процесс, в результате которого некоторая разновидность языка расширяет границы своего функционирования в обществе. Наиболее наглядно она представлена в своем пространственном выражении, т. е. в географическом перемещении того или иного языка. Однако языковая экспансия может осуществляться и внутри одной и той же социальной общности без нарушения ее географических границ. Это происходит, в частности, тогда, когда диалекты уступают языковому стандарту, когда религиозные церемонии проводятся на общедоступном, а не на специальном священном языке, когда национальные меньшинства теряют свой язык или когда в неанглоязычных сообществах общение на научные или экономические темы осуществляется на английском языке. Во всех случаях (за исключением колонизации незаселенных территорий) экспансия одного языка осуществляется за счет другого языка»⁶.

Впрочем, при определенных успехах в области мировой экспансии французский язык уже в XIX в. начал терять свою привлекательность, и на международной арене его стали теснить другие языки, активно выдвигавшиеся на передовые политические, экономические и социокультурные позиции, особенно немецкий язык в научной области и английский язык в области торговли, экономики и современных технологий. Также начало клониться к закату величие Парижа как культурной столицы мира: ведущая роль этого города стала оспариваться столицами других государств. На этом фоне французский язык стал восприниматься уже не как самый важный в мире язык, а как один из нескольких языков общеевропейского уровня. Как отмечает Д. Баджиони, в XIX в. потеря французским языком главенствующих позиций во многом связана с отставанием Франции в области образования, просвещения и науки. В XX в. роль французского языка в мире продолжала падать, а значение английского языка, напротив, увеличивалось, особенно в связи с поражением Франции в Первой мировой войне⁷. Уже в самом начале XX в. в Европе стали считать, что для общения на мировом уровне, наряду с французским, достаточно было знать английский язык. Такого мнения придерживались как деловые люди, так и специалисты в области языкознания. Именно такую точку зрения высказывали участники международных лингвистических конгрессов, проводившихся в то время во Франции и Бельгии. В наметившемся противостоянии французского и английского языков большинство лингвистов поддерживало французский язык, но были и сторонники англо-саксонского направления в развитии языковой ситуации в Европе и в мире. Вскоре французский язык стал активно тесниться английским в области дипломатии и финансов. Примером тому служит текст Версальского до-

говора о прекращении Первой мировой войны, составленный одновременно на французском и английском языках. Также были поколеблены позиции французского языка во время и после Второй мировой войны, его политическая привлекательность снижалась, а количество стран, в которых он использовался и изучался, сокращалось. Также распад французской колониальной системы в 60-х гг. XX в. и рост политико-экономического авторитета Соединенных Штатов Америки отрицательно сказались на авторитете французского языка, на вытеснении его с мировой арены английским языком.

Как замечает Н. Энассер, «экономическое превосходство Соединенных Штатов за несколько десятилетий превратило английский язык в средство всемирного общения и культурной гегемонии. Это событие повлекло за собой, с одной стороны, вытеснение из сферы международного использования большинства языков, включая французский, а с другой – впитывание ими элементов английского языка на лексическом и синтаксическом уровнях»⁸.

Тем не менее, и сегодня международная значимость французского языка остается заметной. Она продолжает определяться значительным количеством тех стран и численностью тех народов, которые пользуются французским языком в качестве средства выражения идей современной культуры, науки, техники, политики, религии и т. д. Французский язык продолжает широко использоваться в государствах Африки, получивших независимость в 1960-х гг., и Франция прикладывает немало усилий к восстановлению в них своих позиций путем распространения современной культуры и своего языка (в частности, через повышение уровня грамотности среди африканцев). В то же время растет престиж французского языка в Квебеке. Со времен «Спокойной революции» 1960-х гг. эта франкоязычная провинция Канады стала активно модернизировать свой французский язык и пропагандировать его как у себя в стране, так и в других регионах мира, особенно в Африке и Луизиане.

Сегодня судьба французского языка в мире рассматривается, главным образом, с двух основных позиций: с позиции развития мультикультурализма и с позиции законов рыночной конкуренции в использовании языков.

Что касается первого подхода, то будущее французского языка видится, прежде всего, в его поддержке со стороны Франции и других франкоязычных государств, в проявлении к нему интереса во всем мире, в желании людей разных национальностей изучать его и пользоваться им. Страны Европейского союза в рамках своей единой политики и совместной экономики стремятся сохранить разнообразие своих культур и своих языков. На семинаре по вопросам существования французского языка в многоязычном мире, состоявшемся в Брюсселе в 2006 г., Ж. Дельмоли,

в частности, заявил, что взаимное понимание европейцев не может обеспечиваться только одним языком, что, конечно, эффективно в торговых обменах, но недостаточно для установления более глубоких социальных и культурных связей. Если Европейский союз хочет стать больше, чем единое торговое пространство, он в своем языковом развитии не должен выбирать модель, основанную на использовании единого «лингва франка». Если исходить из того, что каждый язык является носителем особого видения мира, то необходимо поощрять европейцев к раскрытию всего богатства их культур путем пусть даже неполного изучения языков своих соседей. Именно эта философия объясняет тот факт, что в 2003 г. была принята отдельная программа Комиссии по мультилингвизму, в которой говорится, что «одного английского языка недостаточно». В том же духе Комиссия высказывается против искусственных языков, которые не в состоянии полностью обеспечить коммуникативные задачи европейских народов, и что единственным выходом для них является обращение к их собственному языковому многообразию, способному сохранить все их национальное достояние⁹.

В Европейском союзе сегодня к использованию принято 23 официальных языка. При этом в Европейской хартии основных прав человека записано, что мультилингвизм в Европе должен уважаться повсеместно. На этом основании здесь принят ряд законов, предоставляющих гражданам Европейского союза право обращаться к официальным органам на любом из официальных языков Союза. В этих условиях, безусловно, встает задача широкого изучения таких европейских языков, которые могли бы служить легким инструментом для общения граждан ЕС с его официальными институтами.

В рамках другого подхода, сформулированного в современной социолингвистике как *закон рыночной конкуренции между языками*, спрос на тот или иной язык устанавливается с учетом эффективности реализации им своей первичной функции – быть средством коммуникации. При этом подразумевается, что наибольшим спросом на мировом рынке пользуются те языки, на которых общается максимальное число людей на максимальное количество разговорных тем и в максимальном числе речевых ситуаций. Действие данного закона зависит от тех требований, которые в настоящий момент предъявляются к языкам на потребительском рынке. Как заключает Л. Мене, в современных условиях количество языков на мировом рынке представляется избыточным и конкуренция между ними выглядит весьма высокой. Только те из языков остаются более востребованными, которые наилучшим образом отвечают запросам их пользователей; другие языки из-за низкой потребности в них, напротив, приходят в упадок или исчезают вовсе. При этом нарочитое воздействие на повышение рыночного спроса на тот или иной

язык далеко не всегда приводит к положительному результату, тем более если на языковую ситуацию оказывается влияние исключительно методами идеологической пропаганды¹⁰.

Сегодняшнюю языковую ситуацию в мире Л.-Ж. Кальве описывает следующим образом: все языки составляют систему разноуровневых отношений, которые соответствуют политико-экономическим и культурным связям, исторически сложившимся между странами и народами. В тот или иной момент общественного развития один из языков может занять лидирующее положение, т. е. стать наиболее востребованным в мире. Другие языки, согласно рыночному спросу на них, выстраиваются в определенную иерархическую систему своей востребованности. Эта система состоит из языков разных категорий, а именно: во главе находится *гиперцентральный* английский язык, вокруг которого располагаются 10 менее значимых *суперцентральных* языков мира: арабский, китайский, французский, немецкий, хинди, японский, малайский, португальский, русский, испанский и суахили. На каждом из этих языков в мире говорят по 100 млн человек и более. Вокруг каждого из них располагаются группы по 100–200 менее значимых *центральных* языков. В их орбиты входят языки из дальней периферии, общая численность которых составляет от 4000 до 5000.

На основе отношений доминирования и подчинения, складывающихся между элементами этой системы, сегодня в мире устанавливаются горизонтальные связи между языками одного уровня и вертикальные связи между языками разных уровней. Так, французский язык, как язык суперцентральный, находится в отношении подчинения к гиперцентральному английскому языку и в отношении равенства к суперцентральным языкам. В то же время французский язык находится в положении доминирования по отношению к тем языкам дальней периферии, которые входят в орбиту его непосредственного контакта: к бретонскому, корсиканскому и др. (на территории Франции), к бамана, волоф и др. (на территории бывших французских колоний в Африке) и т. д. На каждом из этих уровней проявляются две тенденции к установлению билингвизма: горизонтальный билингвизм (например, франко-арабский, франко-испанский и др.) и вертикальный билингвизм (например, англо-французский, франко-каталанский и др.)¹¹.

Коммуникативная значимость каждого языка находится в прямой зависимости не только от числа его непосредственных носителей, но и от числа пользователей тех языков, которые входят в его орбиту. Исконные носители языка и те его пользователи, для которых он не является родным, создают его общую коммуникативную среду и его коммуникативную значимость. С этой точки зрения коммуникативная значимость, например, английского языка представляется выше коммуникативной значимости китайского, так как в мире

имеется большое число носителей разных языков, которые, кроме своего родного, пользуются английским как языком мирового общения, в то время как китайским языком, кроме его исконных носителей, пользуется небольшое число иностранцев.

Согласно наблюдениям Л. Мене, носители английского языка тяготеют к монолингвизму, так как, владея родным (гиперцентральным) языком, они для достижения своих коммуникативных целей в общем-то не нуждаются в освоении других языков. Что же касается носителей суперцентральных языков, то они тяготеют к билингвизму, т. е. к освоению, наряду со своим родным языком, гиперцентрального английского языка (вертикальный билингвизм) или к еще одному или нескольким суперцентральным языкам (горизонтальный билингвизм). При этом носители суперцентральных языков, изучая английский язык, увеличивают свои коммуникативные возможности гораздо больше, чем при изучении какого-либо дополнительного другого суперцентрального языка. В свою очередь, носители центральных языков стремятся освоить не только гиперцентральный язык, но и один или несколько языков из числа суперцентральных. Таким образом, создается ситуация, при которой чем дальше родной язык носителя удален от центра «языковой галактики», тем нужнее ему становится знание английского языка. Иначе говоря, в случае дополнительного освоения английского языка человек значительно увеличивает свои коммуникативные возможности.

По данному поводу Л. Мене приводит следующее важное замечание: «Так как в мире существует больше не-англичан, изучающих английский язык, чем англофонов, которые изучают какой-либо иностранный язык, и больше, например, франкофонов, которые изучают английский, чем англофонов, изучающих французский, то общая масса англофонов в мире увеличивается быстрее, чем число франкофонов. Тот же сценарий повторится в отношении между суперцентральными языками, с одной стороны, и центральными, с другой, а также между языками центральными и периферийными. «Притяжение» всегда направлено в сторону языка, расположенного ближе к центру. В конце концов в настоящее время это притяжение действует в первую очередь со стороны английского языка»¹².

В сегодняшних условиях закон рыночной конкуренции довольно отрицательно действует по отношению к французскому языку, что приводит к значительному снижению спроса на него. Так, в Руанде в начале XX в. произведен перенос официального статуса с французского языка на английский, а на Мадагаскаре наряду с французским официальный статус получил английский язык. Наконец, в Демократической Республике Конго планируется в скором будущем следовать примеру Мадагаскара.

Сегодня в мире наблюдается некоторое снижение количества франкоязычного населения и в

то же время значительный рост испаноязычного и португалоязычного населения. Особенно заметно увеличение испаноговорящих граждан в США и Канаде и уменьшение франкоговорящих в том же регионе. Такого рода процессы свидетельствуют о снижении конкурентной способности французского языка и постепенном перемещении его из категории суперцентральных в категорию центральных языков, т. е. в категорию языков, менее значимых на мировой арене.

На втором конгрессе CAP – FIPF (Сидней, 2010 г.) с докладом на тему «Значимость языков и глобализация» Л.-Ж. Кальве предложил следующую схему общего анализа значимости языков в мире: «Обычно мы измеряем значимость языков исходя из количества их пользователей: сколько человек говорят по-китайски, по-английски, по-французски или по-арабски. Однако такой подсчет нельзя признать точным с научной точки зрения. Должны ли мы принимать во внимание количество пользователей языка в качестве первого или количество всех пользователей вместе взятых? Должны ли мы, например, включать в это число только исконных носителей английского языка в Сингапуре или включать в это число местных пользователей страны? Более того, число пользователей языка является лишь одним из факторов, определяющих значимость языков. К примеру, мы можем учитывать число стран, в которых эти языки считаются официальными, отмечать их использование в Интернете, объем переводов, осуществляемых на данный язык или с данного языка и т. д.»¹³ Л.-Ж. Кальве предлагает учитывать следующие десять факторов, влияющих, по его мнению, на уровень значимости языков в мире:

- 1) число пользователей данным языком;
- 2) число стран, в которых этот язык имеет официальный статус;
- 3) количество статей на данном языке в Wikipedia;
- 4) количество нобелевских лауреатов по литературе на данном языке;
- 5) уровень дисперсного распространения языка (энтропия);
- 6) уровень рождаемости среди пользователей данным языком;
- 7) уровень общественного развития в странах распространения данного языка;
- 8) уровень использования Интернета на данном языке;
- 9) число переводов на родной язык;
- 10) число переводов с чужих языков.

На основе своих расчетов Л.-Ж. Кальве приводит следующие индексы уровня использования в мире 20 наиболее представительных современных языков: английский – 7,238; французский – 4,587; испанский – 4,465, немецкий – 4,156; нидерландский – 2,997; японский – 2,776; шведский – 2,772; арабский – 2,660; итальянский – 2,634; датский – 2,495; финский – 2,459; русский – 2,318; китайский – 2,303; иврит – 2,303; польский –

2,279; португальский – 2,223; венгерский – 2,140; алеманский (немецкий язык в Швейцарии) – 2,133; греческий – 2,095; каталанский – 2,031¹⁴.

Как видно из этих цифр, французский язык, находясь вместе с немецким и испанским языками в ведущей группе суперцентральных языков, значительно отстает от гиперцентрального английского языка. При этом, как отмечает Ж.-М. Клинкаберг, в отличие от немецкого и испанского языков, значимость французского языка в современном мире обусловлена не столько численностью франкоязычного населения, сколько той нормализующей функцией, которую Франция выполняет в системе региональных вариантов французского языка в мире, в то время как Германия и Испания не проявляют себя в качестве регулирующих центров развития немецкого и испанского языков соответственно¹⁵.

Примечания

- 1 *Le Dû J., Le Berre Y., Brun-Trigaut G.* Lectures de l'Atlas linguistique de la France de Gilliéron et Edmont. Du temps dans l'espace. Paris, 2005. P. 83.
- 2 *Доза А.* История французского языка : пер. с фр. М. : Изд-во иностр. лит., 1956. С. 16–17.
- 3 *Гак В. Г.* Введение во французскую филологию. М. : Просвещение, 1986. С. 17.
- 4 *См. Lafont R.* La privation d'avenir ou le crime contre les cultures // *Langue dominante, langue dominée.* S.l., 1982. P. 27.
- 5 *См.: Calvet L.-J.* La guerre des langues et les politiques linguistiques. Paris : Hachette Littératures, 1999. P. 72–73.
- 6 *Klinkenberg J.-M.* L'héritage du passé: aux origines de l'expansion du français // *L'avenir du français.* Paris, 2008. P. 9.
- 7 *См.: Baggioni D.* Eléments pour une histoire de la francophonie (idéologie, mouvements, institutions) // *Le français dans l'espace francophone : in 2 vol.* Paris, 1996. Vol. 2. P. 793.
- 8 *Enmasser N.* Le français et la mondialisation. Quel avenir pour le français dans un monde dominé par l'anglais? // *Jordan journal of modern languages and literature : in 2 vol.* 2010. Vol. 1. P. 66.
- 9 *См.: Delmoly J.* La nouvelle politique européenne en faveur du multilinguisme // *Langue française et diversité linguistique : actes du Séminaire de Bruxelles, Belgique, 30 nov. et 1-er déc. 2005.* Bruxelles, 2006. P. 57.
- 10 *См.: Meney L.* Main basse sur la langue. Idéologie et interventionnisme linguistique au Québec. Montréal : Liber, 2010. P. 57.
- 11 *См.: Calvet L.-J.* Le versant linguistique de la mondialisation // *Dialogues et cultures.* 2001. № 45 : in 2 vol. Vol. 1. P. 80.
- 12 *Meney L.* Op. cit. P. 57.
- 13 *Calvet L.-J.* Le poids des langues et la mondialisation // *Le français et la diversité fran-cophone en Asie – Pacifique : 2ème Congrès de la CAP – FIPF.* Sydney, 2010. P. 26–27.
- 14 *Idem.* P. 28.
- 15 *См.: Klinkenberg L.-J.* La diversité linguistique: un dogme ou un programme // *Dialogues et cultures.* 2005. № 50. P. 61.